

***Рён-ван (Ён-ван) («Государь Дракон»)*
и его ономастикон в корейской мифологии**

В корейской мифологии дракон выступает в качестве повелителя водной стихии, полновластного хозяина и повелителя дождей, туманов. По мнению древних корейцев, он был «ответственен» за своевременное и обильное выпадение осадков и, в конечном счете, за урожай. Заметим попутно, что и в современном корейском шаманском пантеоне дракон также занимает важное место.

Дракон являлся одним из объектов поклонения древних племен, возможно аустронезийского происхождения, прибывших на Корейский полуостров с юга. После утверждения в трех корейских государствах (Когурё, Пэкче и Силла, I в. до н.э. – VII в. н.э.) буддизма в качестве государственной религии (IV–VI вв.) древний культ дракона слился с уже давно вошедшим в буддийский пантеон культом дракона как одного из Восьми охранителей буддийской веры. Это можно рассматривать как пример успешной политики религиозного синкретизма, приводимой буддизмом.

В корейской мифологии, например, в мифе об Основателе корейского государства Силла (57 г. до н.э. – 935 г. н.э.) – *Пак Хёккосе* (57 до н.э. – 3 г.н.э.) мы встречаемся с культом дракона. Жenu Пак Хёккосе – *Арён*, как следует из текста мифа, можно считать дочерью дракона, хозяина водной стихии. Связь дракона с водой наглядно проступает в мотиве появления дракона, давшего жизнь девочке, будущей жене Пак Хёккосе, в колодце под названием *Арён* (хотя, можно добавить, что дракон здесь очевидно связан не только с водой, но и с подземным миром (колодцем), а поэтому еще и со смертью=рождением).

Само корейское слово *рён* (*ён*), имеющее значение «дракон», было заимствовано из китайского языка вместе с иероглифом, обозначающим его. Однако было бы неправильно полагать, что аналогичного исконно корейского слова не существовало. По мнению ряда исследователей Республики Корея, в древнекорейском языке употреблялось слово – *ми-ры* или *мири* с тем же значениемⁱ. Последнее будучи созвучно с корейским чтением китайских иероглифических знаков, составляющих имя Будды Будущего – Майтрейи (кор. *Мирык*), со временем стало причиной частичной конвергенции этих двух понятий.

Подтверждением этому предположению, по нашему мнению, может служить фрагмент летописи «Лиджо силлок», относящийся концу XVII в. В нем зафиксированы материалы допроса неких формально буддийских монахов, но на самом деле, загадочных личностей, которые обладали явными шаманскими способностями. Так, например, один из них мог «собирать облака на небе для вызывания дождя». Это дало ему возможность увлечь за собою своих односельчан. Если свести воедино их сбивчивые признания, вырванные не самым благородным путем, мы увидим целую систему мировоззрения о том, что современный им мир – недолговечен, на смену ему придет новый, когда «дракон родит сына». Содержатся в этих материалах упоминания и о Будде Будущего Майтрейе как о грядущем правителе мира, причем новый правитель мира назван *Суджун Мирык* («Водным Майтрейей») ⁱⁱ. То есть, перед нами переходная форма, когда старое, исконно корейское слово, обозначающее дракона, еще не забыто, хотя уже довольно крепко было привязано к имени Будды Будущего – Майтрейе (кор. *Мирык*).

Наиболее часто употребляется в корейских письменных источниках слово *рён*, являющееся корейским чтением китайского иероглифа «лун». Так, например, в сочинении Ким

Бусика «Самгук саги» (XII в.) в «Летописях Силла» есть запись о проведении в 628 г. церемонии, в ходе которой, «нарисовав изображение дракона (кор. *рён*), вымаливали дождь»ⁱⁱⁱ. В мифе о ване Му – правителе государства Пэкче (18 г. до н.э. – 660 г.н.э.) содержится мотив любовной связи матери будущего вана Пэкче – вана Му (600–641) с Драконом (кор. *рён*), жившим в пруду. От отца-дракона герою достаются в наследство необыкновенные способности, которые и «помогли» ему, в конечном счете, взойти на трон^{iv}.

Этот иероглифический знак употреблялся и в эпоху правлений династии Ли (1392–1910). Так, например, известно, что в Сеуле по указу вана в 1414 г. поклонялись изготовленной из глины фигурке дракона (кор. *рён*), а в местности Чогадо молились изображению дракона^v. В XV в. один буддийский монах из уезда Хёнсан, пытаясь отстоять честь своей обители и показать ее ритуальную общегосударственную значимость, писал вану Седжону (1419–1450) о том, что в его монастыре хранится чудодейственная жемчужина, находившаяся когда-то у подбородка дракона, что она якобы является тем подарком, который был преподнесен Драконом Восточного моря (кор. *Тонхэрён-ван*) Бодхисаттве *Кванным* (санскр. *Авалокитешвара*, кит. *Гуаньинь*, яп. *Каннон*). Этот чудодейственный предмет якобы мог вызывать дождь, будучи принесенным в Сеул^{vi}.

В сочинении «Синджын Тонгук ёджи сыннам» (XV в.) повествуется о том, как Женщина-Дракон (*Рённё*) якобы слушала проповеди священные текстов Трипитаки, которые читал монах, поселившийся в ските под скалой^{vii}.

В ранних мифологических произведениях упоминается *Хэрён* («Морской дракон») ^{viii}.

Изображения дракона, причем довольно глубоко инкорпорированные в местный корейский пантеон, мы встречаем в живописи на стенах гробниц знати государства Когурё. Например, в гробнице *Ссанъёнчхон* («Гробница с двумя

колонами») присутствуют «золотисто-желтые драконы, обвивающие восьмигранные столбы. Наличие изображений желтых драконов в погребении, возможно, указывает на то, что усопший был одним из правителей Когурё, так как жёлтый цвет служил символом власти»^{ix}. Об этом же может свидетельствовать и фрагмент текста на стеле Квангэтхована (391–412 гг.), где говорится, что «[Небесный владыка] ниспослал Желтого дракона (кор. *Хванрён* – *А.Е.*). Жёлтый дракон посадил его (Чхумо-вана – *А.Е.*) к себе на спину и вознёс на Небо»^x.

В некоторых мифах именно дракон является подателем главному герою сокровищ. Так, например, дракон преподнес в подарок будущему буддийскому наставнику Мённану тысячу *лян* золота, а герою другого мифа – Пояну был пожалован плащ из золотого шелка^{xi}. Последнее обстоятельство роднит дракона с традиционным обладателем сокровищ, хтоническим змеем.

Впрочем, образ Золотисто-желтого или Желтого дракона не единственный образ этого существа, которому сопутствует определенная цветовая символика. Запись в летописи «Лиджо силлок» от 1414 г. гласит: «В уезде Муан провинции Чолла внезапно прогремел гром и пошел дождь. Белый дракон (кор. *Пэкрён*) на облаке взмыл на Небо»^{xii}. В «Самгук саги» отмечено появление Черного дракона (кор. *Хыкрён*) во внезапно переполнившемся колодце в столице Пэкче^{xiii}. В более поздних трудах также упоминается Белый дракон – *Пэкрён*. О нем, в частности, идет речь в жизнеописании предков основателя последней корейской династии Ли – Ли Сонге. В этом произведении описывается бой двух драконов – Белого дракона (кор. *Пэкрён*) и Черного дракона (кор. *Хыкрён*)^{xiv}.

Согласно шаманской мифологии души умерших к местам последнего их упокоения сопровождали Голубой дракон и Желтый дракон (кор. *Чхонрён* и *Хванрён*)^{xv}.

Другим практически забытым сакральным образом являлся Двухглавый (кор. *Ссанрён*) дракон, указание на существование которого встречается в памятнике XVII в. «Синджын Тонгук ёджи сыннам» («Дополненное описание земли Корейской и ее достопримечательностей»). Однажды начальнику уезда Кимдже, в котором жил будущий конфуцианский ученый Чоган, приснился сон, будто Двухглавый дракон (кор. *Ссанрён*) запутался в ветвях дерева^{xvi}.

Слово «дракон» входило также в состав многих мифологических топонимов. Так, например, в мифе о Тхархэ, будущем вана Силла (67–80 гг.), который согласно мифу был найден рыбаками – стариком и старухой, главный герой рассказал своим спасителям, что является сыном вана страны *Рёнсонгук* – «Страны Крепости Дракона»^{xvii}.

Мотив воцарения героя с «драконьей родословной» на силлаский трон, а также мотив связи матери вана Пэкче с драконом и некоторые другие элементы были призваны не только еще раз подчеркнуть связь власти ванов с миром сакрального, но и усилить культовую значимость дракона. Следы подобных представлений сохранил и по сию пору корейский язык, в котором слово *рёнан* букв. «лицо дракона») означает царственный облик (вместо него может употребляться слово *рёнмо* – «драконий лик»), а слово *рённу*, переводимое буквально как «слезы дракона», имеет значение «слезы вана». Эти слова часто встречаются и в корейской шаманской мифологии.

Предание, помещенное в «Синджын Тонгук ёджи сыннам» указывает на гипотетическую фонетическую связь одного из древних слов, обозначавшего дракона, с иероглифом, читавшимся как *кап* («броня»). В этом произведении идет речь об уже упоминавшемся человеке по имени Чоган из уезда Кимдже. У него, якобы, с момента рождения на обоих плечах красовался иероглиф *кап* («броня»). Однажды начальнику его уезда (кор. *кунсу*) приснилось, что Двухгла-

вый дракон (кор. *Ссанрён*) запутался в ветвях дерева. Пробудившись ото сна, он узнал, что как раз Чоган и находился в тот момент на дереве. Позднее начальник уезда понял, что знаки *кап* являются выражением связи Чогана с драконом, живущим неподалеку в пруду Пекколь.

Эпизод из мифа о *Чхоёна* в принципе может свидетельствовать о связи имени главного героя *Чхоёна* с другим древним названием дракона. В этом произведении идет речь о том, что правитель государства Силли ван Хонган (875–885) по пути из Кэунпхо на побережье Японского моря внезапно попал в туман и облака, закрывшие ему дорогу. И только лишь после того как было принято решение построить храм для Государя Дракона Восточного моря (кор. *Тонхэрён-ван*), вновь ярко засветило солнце. Дракон тогда передал государю своего сына *Чхоёна*^{xviii}. Не является ли имя *Чхоён* одним из элементов названий этого мифического существа.

Дракон не только «отвечал» за своевременное выпадение осадков, но и являлся хозяином местности. Так, например, в мифе о стрелке Котхаджи – государь Дракон-Владыка Западного (Желтого) моря (кор. *Сохэрён-ван*) предоставил главному герою двух своих подчиненных драконов, которые довели корабль стрелка Котхаджи до Китая. В мифе о когурёском гонителе буддизма – ване Поджане (VII в.) говорится о том, что захватившие инициативу даосы заставляют Дракона Южной реки (кор. *Намканрён*) в окрестностях Пхеньяна перестроить крепость^{xix}.

Мотив путешествия мифического героя – Котхаджи – в Китай на корабле, «ведомом» драконами, говорит нам о том, что этот миф очень древен. Эта деталь напоминает описание «хождения» в потусторонний мир. К такому выводу нас подводят бытующие у корейцев до сих пор представления о «курсирующем» в загробный мир Корабле-драконе, (кор. *рёнсон*), на который шаманы усаживают ду-

ши умерших^{xx}.

Хотелось также отметить связь мифического дракона с деревом, явно проскальзывающую в мифе о Хетхоне. В этом мифе повествуется о том, что дракон обитал (после изгнания его из тела человека) в иве, которую хозяин дома отказывался срубить даже под страхом смерти^{xxi}.

В корейском шаманском пантеоне дракона часто сопровождает его супруга *Рёнгун-пуин* («Супруга Дракона»). В шаманских картинах она обычно изображается в антропоморфном облике – в виде женщины^{xxii}.

ⁱ *Ю Донсик*. Хангук мусогый ёкса ва куджо (История и структура корейского шаманизма). Сеул, 1983. С. 100 (на кор. яз.).

ⁱⁱ Лиджо силлок («Поденные записи эпохи правления династии Ли»). Пхеньян, 1983. Т. 273. С. 487–489 (на кор. яз.).

ⁱⁱⁱ *Ким Бусик*. Самкук саги. Летописи Силла. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарий М.Н.Пака. М., 2001 (Второе издание). С. 143.

^{iv} *Ирён*, Самгук юса («Забытые деяния эпохи Трех государств»). Пхеньян, 1960. С. 234 (на кор. яз.).

^v Лиджо силлок («Поденные записи эпохи правления династии Ли»). Пхеньян, 1975. Т. 10. С. 77 (на кор. яз.).

^{vi} Лиджо силлок («Поденные записи эпохи правления династии Ли»). Пхеньян, 1979. Т. 31. С. 397.

^{vii} Синджын Тонгук ёджи сыннам («Дополненное описание земли Корейской и ее достопримечательностей») Т.3.Пхеньян. 1960. С. 386 (на кор. яз.).

^{viii} Ким Тхэгон, Хангук ый синхва («Корейская мифология»). Сеул, 1986. С. 111 (на кор. яз.).

^{ix} *Глухарева О.Н.* Искусство Кореи (с древнейших времен до конца XIX века). М., 1982. С.34.

^x Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (стела Квангэтхо вана). М., 1979. С. 77.

^{xi} Ирён. Указ. соч. С. 508–509 (на кор. яз.).

^{xii} Лиджо силлок («Поденные записи эпохи правления династии Ли»). Пхеньян, 1976. Т.10. С. 17. (на кор. яз.).

^{xiii} Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М.Н. Пака. М., 1995. С.190.

^{xiv} Лиджо силлок («Поденные записи эпохи правления династии Ли»). Пхеньян, 1975. Т. 1. С. 17. (на кор. яз.).

^{xv} Ким Тхэгон. Указ. соч. С. 320.

^{xvi} Синджын Тонгук ёджи сыннам («Дополненное описание земли Корейской и ее достопримечательностей») Т. 2. Пхеньян, 1960. С. 525.

^{xvii} Ирён. Указ. соч. С. 208.

^{xviii} Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 185–187.

^{xix} Ирён. Указ. соч. С. 315. По-видимому, речь идет о современной реке Тэдонган.

^{xx} Чхве Килсон. Хангук мусог-ый ёнгу («Изучение корейского шаманизма»). Сеул, 1987. С. 255.

^{xxi} Ирён. Указ. соч. С. 504.

^{xxii} Акамацу Тидзё. Изучение корейского шаманизма (пер. с японского яз. на корейский яз. Сеул, 1997. С. 152.